

- *Многомерность рациональности*
- *Синергетический стиль мышления и перспективы пластичной рациональности*
- *Границы рациональности в категориях науки и духовной культуры*
- *Трансформация представлений о развитии в постклассической рациональности*

УДК 001:165

Многомерность рациональности

В. Н. Порус, доктор философских наук, профессор Государственного университета – Высшая школа экономики (Россия, Москва)

В статье предложена концепция «многомерного» (методологического, социологического и психологического) анализа понятия «рациональность».

Multidimensionality of Rationality

V. Porus, PhD in Philosophy, Professor, Higher School of Economy (Russia, Moscow)

The “multidimensional” (methodological, sociological, psychological) analysis of concept “Rationality” is offered.

1. Рациональность в методологическом измерении

Проблема рациональности в ее исторической эволюции заключалась в определении «разумности» как предикации (бытия, действия, отношения, цели и т. д.). Решения этой проблемы (от Платона до наших дней) зависели от того, какими сущностными характеристиками наделялся Разум. В связи с этим она рассматривалась в различных аспектах: являются характеристики разума неизменными и абсолютными или же они изменчивы и относительны, каковы исторические формы рациональности и от чего зависит их устойчивость или изменчивость, составляют ли эти формы некую иерархию или же они равноправны и могут сосуществовать (или конкурировать) одна с другой?

Ответы на эти вопросы образуют основу различных философских парадигм. Например, такой была классическая «логоцентрическая» парадигма. Для нее характерно убеждение в абсолютности и неизменности законов вселенского разума, постигаемых человеком и обнаруживаемых им в собственном мышлении. Это убеждение было связано с культурными универсалиями, доминировавшими на протяжении культурных эпох. Какую бы конкретную форму ни принимала эта связь, она — в основе идеала рациональности как культурной ценности, придающей направление и импульс всем видам общественно-исторической практики, смысл самому человеческому бытию.

В новейшей истории «логоцентрическая» парадигма утратила первенство и, хотя не сошла вовсе на нет, чаще выступала как объект критики или как исходная позиция, с которой — путь к иным пониманиям рациональности. Это стало составной частью кризиса рационализма как системы культурных универсалий. Причины кризиса многократно исследованы, хотя до их полного уяснения еще далеко. В ряде работ показано, что такой причиной можно считать действие противоречий, заложенных в фундаменте европейской культуры и обострившихся в XIX–XX вв. под влиянием социально-экономических и политических факторов этого исторического периода [1, 2]. Одно из таких противоречий — «парадокс свободы»: универсалией европейской культуры является свобода индивидуума, но в то же время эта культура требует ограничения свободы ради общественного единства. «Противоречие свободы» на протяжении веков «разрешалось» благодаря идее Благого Бога; она придавала «свободному подчинению» сакральный смысл, чего было до поры достаточно, чтобы противоречие не приводило к расползанию духовной ткани культуры. Сомнение же преодолевалось усилием веры.

Положение изменилось с процессом «секуляризации» культуры. С перемещением идеи Бога на периферию системы культурных универсалий (проще — с падением религиозной веры) идея «Абсолюта» потеряла свою ориентирующую

функцию. Человеческий разум стал перед дилеммой: либо придать абсолютный смысл своим характеристикам, благодаря каковым были получены выдающиеся результаты (например, достижения науки Нового времени), либо признать их принципиальную относительность и историческую зависимость от успешности практики, от предпочтений и господствующих образцов деятельности. Эта дилемма и сегодня актуальна, но постоянно разрешается для достижения конкретных целей, например, для обоснования «научной» рациональности или каких-либо иных ее видов (рациональности политического, экономического или игрового поведения, рациональности творчества, рациональности коммуникации и т. п.).

Общей характеристикой так понимаемой рациональности стала ориентация на образцы успешной (познавательной, конструктивной, хозяйственной и т. п.) деятельности. Действие рационально, если оно способствует достижению цели, не рационально — в противном случае, иррационально (противоразумно), если оно разрушает цель или достигает противоположной. Например, образцом рациональности в науке можно считать решение познавательных задач методами, какие успешно зарекомендовали себя и получили теоретическое обоснование; в экономике — максимизацию прибыли, интенсификацию рыночных процессов, оптимальное удовлетворение притязаний участников рынка и пр. с помощью инструментов, теоретически обоснованных и проверенных на практическую успешность.

Это переводит проблему рациональности в *план методологии*. На вопрос, рационально ли какое-то действие (поступок, поведение, стратегия и т. п.), можно отвечать, исследуя его структуру и результаты в их связи с используемыми средствами. Так, проблема рациональности рассматривается в методологическом измерении, а различные концепции рациональности — как определения *критериев*, по которым судят о рациональности тех или иных видов практики.

Перспектива методологического подхода к проблеме рациональности, как казалось многим исследователям, в особенности тем, кто всерьез принял антиметафизические инвективы позитивизма, вела к так называемому «онаучиванию» философии. Методология выступала для них противником «гносеологии», т. е. учения о познании, часто далекого от реальной познавательной практики (однако претендовавшего на менторскую роль по отношению к последней). Кроме того, в методологических концепциях значительный вес приобрели логико-математические, семиотические, те-

оретико-системные и иные специально-научные понятия и методы. Была даже надежда на то, что с помощью таких средств удастся очертить собственные границы рациональности в науке, чтобы затем, «онаучивая» иные сферы практики, включать их в эти границы.

Проблема «демаркации» не нашла удовлетворительного решения. К тому же выяснилось, что методологический подход к проблеме рациональности чреват внутренними противоречиями. Например, если рациональность определяется своими критериями, то выбор этих критериев не может быть обоснован рационально (из-за «логического круга»). Получается, что этот выбор — результат конвенций, каковые могут не совпадать и даже противоречить друг другу. Логический круг возникает и тогда, когда рациональность определяют через соответствие некоему образцу (например, рациональная наука подобна математической физике, которая... является «настоящей» рациональной наукой).

Это побуждало к отказу от «всеобщих» критериев рациональности «как таковой» и переходу к «рабочим» определениям рациональности тех или иных видов деятельности, а также их продуктов. Например, критерий «целесообразности» лег в основу моделей рациональной хозяйственной деятельности (М. Вебер и др.), приемлемых для рыночной экономики и соответствующей ей организации общества. Так же строились модели рациональности иных видов человеческой практики, в том числе научно-познавательной. Таковы неопозитивистская и постпозитивистские модели, каждая из которых выступала специфическим «портретом» научной рациональности¹. Ни в науке, ни в других сферах практики «портреты» не были похожи друг на друга, а потому «рациональность» получила трактовку в духе методологического плюрализма.

Плюрализм сам по себе не хорош и не плох. Против него нечего было бы возразить, если бы

¹ По К. О. Апелю, рациональность есть способность человека к обоснованию и самостоятельному конструированию содержания своего сознания (см.: [3]). Реализация этой способности зависит от того, на что именно, на какой сегмент бытия направлено это сознание. Поэтому возможны различные виды рациональности (даже в рамках индивидуального сознания: один и тот же человек может быть рационален как политик иначе, чем он рационален как военный, экономическая рациональность может в одном и том же сознании соседствовать и спорить с рациональностью экологической или, вообще говоря, с рациональностью длительного исторического прогноза и т. д.). Что общего между этими видами — этот вопрос и составляет поле интересов философа и методолога.

проблема рациональности окончательно переведилась в методологическое русло. Однако открыт вопрос о том общем, что имеется у возможных моделей рациональности. Иначе, это вопрос об онтологическом статусе таких моделей. Разумеется, этот вопрос мог бы быть отвергнут теми, кто видел бы в нем пережиток метафизики. Но можно сказать и по-другому, а именно, что пренебрежение таким вопросом является пережитком устаревшего позитивизма. Здесь водораздел, указывающий на неизбежность выбора между философией и ее методологическими «заменителями».

«Критериальный» подход к пониманию рациональности легко соскальзывает к одной из крайностей: с одной стороны, какую-то из возможных моделей рациональности объявляют адекватным образом рациональности «как таковой» и в этом смысле абсолютизируют эту модель; с другой стороны, говорят об относительности любой модели, и в этом «релятивистском плюрализме» само понятие «рациональности» теряет четкость очертаний. Обе эти крайности неприемлемы: «абсолютизм» опровергается фактом исторической и культурной конкретности различных форм рациональности, а «релятивизм» — ненадежная почва размышлений о рациональности. Следы крайностей можно найти в спорах о том, как работает понятие «рациональности», когда его применяют к специальным задачам. Например, спорят о том, являются ли «рациональные реконструкции истории науки» теоретическими моделями, позволяющими установить *закономерности* процессов научного познания, или же это только «дидактические приемы», позволяющие «в лаконичной форме продемонстрировать, как неуклонно и необратимо идет развитие познания» [4, с. 31]. Такие споры, по-видимому, никогда не прекратятся, но в них есть определенный смысл: в них выясняются философско-мировоззренческие позиции спорящих.

2. Рациональность в социологическом измерении

Можно сосредоточить внимание на условиях, при которых критерии рациональности, а также их изменения принимаются социальными группами и становятся эталонами их деятельности². В общей форме их можно описать как условия «рациональной коммуникации». Эти условия составляют две группы. В первой — факторы рацио-

нального действия как идеалы и нормы, диктуемые коммуникантам определенным типом культуры. Во второй — соглашения между коммуникантами, когда они расходятся во взглядах на идеалы и нормы, но вынуждены стремиться к общим целям, что невозможно без компромисса. Проблема в том, чтобы определить отношения между этими группами. Пионерские работы здесь связаны прежде всего с именем Ю. Хабермаса [6,7]. Его замысел был в том, чтобы противопоставить идее рациональности как системе критериев оценки деятельности, *предзаданных* последней, идею рациональности, которая *возникает* в ходе этой деятельности. Это прежде всего относилось к анализу социальных практик (экономической, политической) и требовало выработки теоретических позиций по отношению к возникающим в этих практиках формам успешного поведения, преодоления конфликтов и противоречий, сохранения эффективного партнерства между коммуникантами. При этом неизбежно возникали вопросы: как совместить «коммуникативную рациональность» с такими оценками результатов практической и познавательной деятельности, как «истинность», «объективность», «адекватность» и т. п., как предотвратить релятивизацию этих оценок?

Рассмотрение рациональности в социологическом измерении нуждалось в соотнесении с гносеологическими установками. Если оно приводило к несовпадениям или конфликтам, появлялось желание пересмотреть гносеологические установки (если не вовсе отказаться от них), «переводя» их на язык социологии. Сама идея «коммуникативной рациональности» при этом помещалась в рамки различных разделов социологии (социологии поведения, теории взаимодействия социальных групп, социологии «повседневности» и т. д.). На фоне утраты гносеологическими «спекуляциями» былой респектабельности «социологизация» эпистемологии, т. е. перенос в нее понятий и методов теоретической социологии и социальной философии, выглядела привлекательной перспективой. Многим исследователям это пришлось по душе, и они с энтузиазмом принялись развивать идеи А. Шюца, Н. Лумана, Н. Элиаса, П. Бурдьё, К. Кнорр-Цетины, Д. Блура, А. Голдмана и других лидеров социологического подхода к эпистемологическим проблемам. Энтузиазм был до известной степени оправданным: эпистемология стала подпитываться эмпирическим материалом, свежими идеями и методами.

Например, с точки зрения Н. Лумана, задача социолога в том, чтобы эксплицировать процесс отбора знаний и способов их оценки участниками «рациональной коммуникации». Отбор соверша-

² Ср., например: «Рациональность понимается как система замкнутых и самодостаточных правил, норм и эталонов, принятых и общезначимых в рамках данного социума для достижения социально осмысленных целей» [5, с. 69].

ется вовсе не только (и не столько) в соответствии с «эпистемическими» критериями, а следуя иным, имеющим собственно социологическое содержание, требованиям (например, продолжать дискурс в ситуациях, когда от этого зависит успех совместного действия, но нет общих смысловых оснований, вынуждающих принимать решения независимо от воли или взаимной расположенности его участников). Это относится к любым дискурсам, в том числе к научным или философским дискуссиям. Более того, эпистемические критерии переинтерпретируются в социологических терминах: «истинность» понимается как символический код, применяемый для конструирования и отбора знаний в процессах коммуникации; такой код не предзадан коммуникации, а является ее продуктом. Кстати, наряду с «истиной» стоят такие «генерализированные медиа коммуникации», как «ценность», «собственность-деньги», «искусство», «любовь», «власть-право». Они «разрешают коммуникативные трудности тем, что кондиционируют селекции и тем самым мотивируют к принятию или отклонению коммуникации, то есть, с точки зрения наблюдателя, выстраивают причинно-следственные связи» [8, с. 271]. Очевидно, что при таком подходе обычная «дифференциация» эпистемических, этических, экономических или политических оценок уступает место социологическим наблюдениям того, как эти оценки функционируют в роли «посредников», обеспечивающих взаимодействие и взаимопонимание коммуникантов.

Рациональна ли коммуникация — на этот вопрос отвечают по-разному, в зависимости от того, что имеется в виду: соответствие совместных действий общим стандартам, принятым в политике, науке или даже религии, — либо то, что устанавливают как приемлемый уровень взаимопонимания сами участники конкретных коммуникаций. А. Ю. Антоновский называет это различием между «внешней» и «внутренней» рациональностью коммуникации [9]. Эти различия могут быть существенными: например, политкорректность требует, чтобы мнения выражались в респектабельной форме, не оскорбляющей достоинство диспутантов, тогда как часто сама респектабельность может быть понята как ироническая оболочка, скрывающая издевательскую оценку мнения какого-то полемиста. Тогда можно сказать, что понимание «смысла» полемики возможно при условии, что ее «внутренняя рациональность» игнорирует «внешнюю» или относится к ней как к чему-то постороннему. В любом случае рациональность здесь выступает как предмет интереса социолога, эпистемологическое же содержание этого понятия,

если это вообще возможно, транскрибируется в социологических терминах.

Если, продолжает А. Ю. Антоновский, коммуниканты говорят, когда надо говорить, пишут, когда надо писать, понимают сказанное или написанное так, как это принято в данной коммуникативной группе, различают то, что сказано или написано, от того, что хотел сказать или написать коммуникант, а также почему он сказал или написал это в той, а не в иной форме, то коммуникация «понята», то есть является рациональной. Имеет ли место в действительности то, что является antecedentом данного условного высказывания, — это должен определить тот, кто наблюдает за происходящим «со стороны», то есть социолог, которому для выполнения этой задачи надобно необходимое снаряжение. Что войдет в него: одни лишь методы социологического анализа (например, анкеты или тесты), или же все-таки он обязан «для себя» различать «истину» и «ложь», «факт» и «иллюзию», «объективное» и «субъективное» в оценках и т. д.? Если быть последовательным, то надо признать, что сами эти понятия, взятые из эпистемологического словаря, имеют социологическое происхождение, и, следовательно, различные социологи в различных наблюдениях придут к различным выводам относительно рациональности коммуникации.

Другой пример социологизации эпистемологии — концепция «габитуса» П. Бурдьё. Понимание слов и действий есть следствие привычки так или иначе реагировать на них. Привычка же выступает как правило, следуя которому, коммуникант достигает желаемых результатов. Правило рационально, если цели достигаются, нерационально в иных случаях. Поэтому проблема рациональности разрешается тем, что выясняют, при каких условиях возникают и становятся устойчивыми привычки эффективно действовать в коммуникативных ситуациях. Социологическое исследование «габитуса» есть ключ к пониманию того, что такое рациональность. Эпистемология, погруженная в мир «габитусов», вынуждена отбрасывать как несущественные для нее проблемы соотношения «объективного» и «субъективного», «абсолютного» и «относительного», ибо для рассмотрения таких проблем у нее нет ни подходящих терминов, ни осознанной потребности.

Здесь та же трудность, что и в концепции «коммуникативной рациональности» Н. Лумана. Если «габитусы» различны, то «актерам» надо задумываться над причинами этих различий. Г. Б. Гутнер называет это «рациональной рефлексией» над габитусами и их границами [10]. Такая рефлексия возможна, если рациональность — это то, что

свойственно мышлению до всяких «габитусов», именно она позволяет рассматривать привычку или навык как некий смысл. Как это возможно — вопрос особый, рассмотрение которого потребует признания ограниченности социологического подхода к проблеме коммуникативной рациональности.

3. Психологическое измерение рациональности

Философы спорили и спорят о возможности психологического истолкования рациональности (например, известная борьба «психологизма» и «антипсихологизма» в логике [11]). Здесь мы говорим о психологическом измерении рациональности как об описании и объяснении психологических состояний и переживаний, связанных с рациональностью (или нерациональностью) совершаемых действий, поступков, а также психологических особенностей, которыми характеризуются процессы рациональной коммуникации. С одной стороны, психологические явления изучаются через их представление в «рациональных» (часто математических) моделях [12]. С другой стороны, модели поведения людей в типичных ситуациях могут и должны быть серьезно изменены с учетом психологических факторов [13]. Например, нобелевский лауреат Р. Зельтен показывает ограниченность теорий, базирующихся на представлении об экономических субъектах как о людях, действующих в строгом соответствии с правилами «максимизации субъективной полезности». Такая рациональность, замечает он, не имеет эмпирического обоснования и выступает лишь как формальное следствие из «идеальной» модели, предложенной Л. Сэвэджем [14]. Однако реальное экономическое поведение отличается от предсказаний, выведенных из этой модели, поскольку на него часто определяющим образом воздействуют факторы «внеэкономического плана», в том числе и психологические [15, 16].

Такое противопоставление «рационального» и «психологического» встречается часто. В нем — отзвук в общем-то бесспорного мнения о том, что «реальная» психическая жизнь человека, а значит и его деятельность, протекает не в соответствии с «велениями разума», а часто и вопреки им. Но каковы эти «веления», если под ними не понимать одни только правила логического вывода, — этот вопрос далек от ясности. После революции, произведенной когнитивной психологией (возникновение которой связано с именами Ж. Пиаже, Дж. Брунера, Г. Саймона, Н. Хомского, У. Найссера и др.), психологическая наука вплотную заня-

лась познавательными процессами, происходящими в человеческом сознании. Поскольку «когнитивисты» использовали так называемую «компьютерную аналогию», т. е. представили познавательные процессы как действие особого устройства, получающего, накапливающего и преобразующего информацию, рациональность этих процессов предстала как характеристика, доступная точному (математическому) выражению. Соответственно, отклонения от рациональности могли рассматриваться как следствия воздействия на это устройство различных психологических или социальных факторов (например, в теории когнитивного диссонанса Л. Фестингера принимается, что в ситуации выбора человек склонен к тем или иным решениям, будучи мотивирован эмоционально: если тот или иной выбор ему неприятен или вызывает иные негативные чувства, он отклоняет его и прибегает к альтернативе, даже если это не вполне «рационально» с точки зрения имеющихся у него информационных данных [17]).

Можно сказать, что известная концепция эволюции науки Т. Куна, которую чаще связывают с проникновением в философию науки социологического подхода, столь же правомерно может быть связана и с «психологизацией» процессов, в которых осуществляется как «нормальная», так и «революционная» наука: критерии рациональности научного знания и действий по его получению, по Куну, служат гарантами психологического равновесия ученых, а потому, как показал, например, Л. Флек, переход к иному стилю мышления связан, как правило, с сильнейшими психологическими переживаниями, вызывающими иногда кризис личности [18]. В терминах Л. Фестингера, это связано с когнитивным диссонансом из-за несогласия с убеждениями научного сообщества. В то же время стремление ученых в ситуации «научной революции» признать рациональной ту «парадигму», которая побеждает в конкурентной борьбе, может быть описано в терминах теории «баланса» Ф. Хайдера, утверждающей, что когнитивный диссонанс вызывает у людей стремление к его преодолению и восстановлению психического равновесия [19].

Психологические интерпретации уместны и в применении к известной концепции «личностного» или «неявного» знания М. Полани, в которой утверждается, что процессы передачи и восприятия знаний не могут быть полностью вербализованы и выражены в замкнутых моделях рациональности. В целом можно сказать, что психологическое измерение рациональности привлекает внимание философов, интересующихся проблемами рациональности и учитывающих от-

рицательный опыт периода, когда проблему рациональности (в науке или в других областях человеческой деятельности) пытались решать в одномерном пространстве методологических исследований.

4. Заключение. Перспектива многомерного исследования рациональности

Итак, тема рациональности имеет «многомерную» структуру, в которой можно выделить основные «измерения» (этот геометрический термин здесь используется как метафора, обладающая, возможно, эвристическим потенциалом). К ним здесь отнесены методологическое, социологическое и психологическое измерения, не сводимые одно к другому, но образующие своеобразную «стереометрию» рациональности. Возможно, а иногда и нужно увеличивать число подобных измерений (например, вводить социально-психологическое, лингвистическое, психосемантическое и даже политическое или экономическое измерения), если признать необходимость реформирования понятийного аппарата эпистемологии перед лицом вызовов со стороны развивающейся науки, усложняющихся отношений между различными сегментами культуры, часто приводящих к противоречиям и конфликтам между ними. Некоторый опыт такого многомерного исследования уже есть, хотя он, конечно, недостаточен [20]. Идея, которой направляется этот опыт, заключается в том, что различные аспекты или «портреты» рациональности, исследуемые и создаваемые в концептуальных рамках эпистемологии и специальных наук, не просто сосуществуют, но активно взаимодействуют. Но речь не только о взаимной «диффузии» понятий и методов. В более интересном смысле эта взаимосвязь может рассматриваться сквозь призму «принципа дополненности» (в духе идей Н. Бора). Языки и методы, которыми описывается и объясняется рациональность, являются сопряженными по смыслу: будучи оторванными друг от друга (рассмотренные как самодостаточные), они могут давать искаженный и даже противоречивый «образ» рациональности, но совместно они дают такой «образ», который в своем развитии приближается к *понятию* рациональности. В целом, как я полагаю, это и есть перспектива современной эпистемологии.

Список цитированных источников

1. Сидорина, Т. Ю. Философия кризиса / Т. Ю. Сидорина. — М., 2003.
2. Порус, В. Н. У края культуры (философские очерки) / В. Н. Порус. — М., 2008.
3. Апель, К. О. Трансформация философии / К. О. Апель. — М., 2001.
4. Кузнецова, Н. И. Рациональная реконструкция в истории науки: возможность и необходимость / Н. И. Кузнецова // Рациональные реконструкции истории науки. — СПб., 2009.
5. Ракитов, А. И. Рациональность и теоретическое познание / А. И. Ракитов // Вопр. философии. — 1982. — № 11.
6. Habermas, J. Theorie des kommunikativen Handelns / J. Habermas. — F.a.M., 1981.
7. Habermas, J. Erläuterungen zum Begriff des kommunikativen Handelns / J. Habermas // Vorstudien und Ergänzungen zur Theorie des kommunikativen Handelns / J. Habermas. — F.a.M., 1984.
8. Глухов, А. К вопросам системно-теоретической презентации медиа коммуникации / А. Глухов, О. Никифоров // Медиа коммуникации / Н. Луман. — М., 2005.
9. Антоновский, А. Ю. Пространство, время, личность: три уровня коммуникативной рациональности / А. Ю. Антоновский // Коммуникативная рациональность как проблема эпистемологии (в печати).
10. Гутнер, Г. Б. Проблема риска и ответственности субъекта научной коммуникации: дис. ... д-ра филос. наук / Г. Б. Гутнер. — М., 2008.
11. Сори́на, Г. В. Логико-культурная доминанта. Очерки теории и истории психологизма и антипсихологизма в логике / Г. В. Сори́на. — М., 1993.
12. Лефевр, В. А. Алгебра совести / В. А. Лефевр. — М., 2003.
13. Козелецкий, Ю. Психология принятия решений / Ю. Козелецкий. — М., 1979.
14. Savage, L. The foundations of statistics / L. Savage. — New York, 1954.
15. Selten, R. Features of experimentally observed bounded rationality / R. Selten // European Economic Review. — 1998. — Vol. 42. — № 3/5.
16. Selten, R. Models of Strategic Rationality / R. Selten. — Dordrecht; Boston; London, 2000.
17. Festinger, L. A theory of cognitive dissonance / L. Festinger. — Stanford, 1957.
18. Флек, Л. Возникновение и развитие научного факта. Введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива / Л. Флек. — М., 1999.
19. Heider, F. The psychology of interpersonal relations / F. Heider. — New York, 1958.
20. Порус, В. Н. Стиль научного мышления / В. Н. Порус // Теория познания. Т. 3. Познание как исторический процесс. — М., 1993.

Дата поступления статьи в редакцию: 5.11.09 г.